

ВАЛЕРИЙ СКРИПКО

Люди сибирской стороны

(ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ О ПОВЕСТИ ВАЛЕРИЯ ХАЙРЮЗОВА
«РАСКУЛАЧИХА», ЖУРНАЛ «СИБИРЬ», 2021 г., № 4)

Валерий Хайрюзов много лет посвятил работе в гражданской авиации. Он преодолел все испытания сурового сибирского неба, добираясь до самых дальних посадочных площадок, но и как писатель, он так же уверенно прошёл через смуту и духовный разлад лихих 90-х годов, оставаясь на твёрдых нравственных позициях в то время, когда, по меткому определению нашего великого сибиряка, писателя Валентина Распутина: «...из литературы и вообще из культуры постарались сделать лавочку по изготовлению острых чувств и обольстить этим товаром российского читателя. Понятно, что серьёзный писатель, признающий за литературой совсем иное качество нравственного и духовного влияния на общество, в это новое цеховое братство не вписался и вынужден был держаться от него подальше». (1)

В Восточной Сибири, к счастью, ещё есть писатели, которые продолжают традиции великой русской классической литературы. В их числе Валерий Николаевич Хайрюзов. Недавно в журнале «Сибирь» была опубликована его новая повесть «Раскулачиха». Если говорить без всяких литературоведческих изысков, повесть взволновала своей искренностью и напоминанием о том, что у нас ещё не перевелись замечательные люди-сибиряки!

Один из главных героев, Николай Речкин, открывается нам постепенно, с первых страниц предстывая вроде бы опустившимся никчёмным человеком, не брезгующим питием одеколона с похмелья. *(Столичный какой-нибудь «интеллектуал» на этом первом впечатлении бы и остановился, самодовольно сделав вывод о никчёмности таких маргиналов.)*

Писатель Хайрюзов за годы лётной работы в Восточной Сибири успел подружиться с жителями этих мест, понять и полюбить их. И уж он знает: сколько духовных богатств порой скрыто в неприметных внешне жителях отдалённых посёлков. Писатель наблюдает, и с видимым удовольствием страницу за страницей открывает для себя и читателей новые черты сложного характера Николая Речкина. Это напоминает приём великого голландского художника Рембрандта, который погружал портреты в темноту, а лицо на холсте ярко высвечивал для контраста, словно прожектором. Доподлинно известно, что в XVII веке, когда жил и творил Рембрандт, кроме факелов и сальных свечей освещать лица в тёмное время суток было нечем. Но художнику, как и писателю, подвластно всё. Художник придумал свет такой силы! И победил! Как нам всем, пишущим книги или картины, не хватает этого максимализма, решительности и смелости в использовании по максимуму разнообразных художественных средств.

Большинство нынешних романов и повестей написаны профессионально, и, кажется, не может быть иначе. Нас вдохновляет и учит бесценный опыт великой

русской классической литературы. Авторы делают всё, чтобы герой вышел живым, узнаваемым. Выглядит часто очень убедительно, а дальше что? Как и любое внешнее событие, оно имеет свойство забываться. Убеждён, что всякому мыслящему читателю нужны не просто события, а постановка и разрешение самых важных вопросов человеческого существования!

Академик Д.С. Лихачёв писал о творческом методе великого писателя Ф.М. Достоевского: *«Он берёт из действительности только строительный материал, и строит из него другой мир, где концентрируются определённые черты, делающие возможным решение тех философских задач, которые перед ним стоят».* (2)

Мало кто из нынешних писателей применяет данный метод. Возможно, пугает груз ответственности перед писательским сообществом и читателями. Чтобы применять в своем творчестве опыт Достоевского, надо, как минимум, иметь в уме те самые «общефилософские задачи», которые надо попытаться решить! И, главное, не бояться отстаивать свои взгляды. Достоевский еще при жизни нажил себе немало врагов среди самой агрессивной творческой интеллигенции, которая, подобно метастазам, вращалась в православную Россию со своими прозападными взглядами. И сегодня их потомки бдительно следят за тем, чтобы не заявил писатель чего-нибудь православного и не стал убеждать читателя в необходимости вернуться к своим национальным истокам в культуре и искусстве. Лучше без всякой философии и высоких материй. Так оно спокойнее. И тогда есть надежда на победу в каком-нибудь конкурсе, который организуют нынешние хозяева рыночной России.

Посему современного читателя писатели пытаются заинтриговать детективными сюжетами, экстремальными ситуациями. А сами герои остаются непроницаемой тайной. То, что книги Достоевского переведены на многие языки мира, убедительно свидетельствует о том, что масса читателей жаждет не новых зрелищ, которыми, после повсеместного развития теле- и киноиндустрии, пресыщена до предела, а серьёзного обсуждения самых насущных проблем.

В.В. Бахтин отмечал, что у Достоевского *«предметом изображения стала не действительность героя, а его самосознание, как действительность второго порядка»* (3)

Для нынешних поколений эта «вторая» действительность важнее и нужнее, чем «первая», которая рождает массу вопросов и не даёт на них ответа. Всё, что написано сегодня без обращения к самосознанию, скорее всего, обречено быть забытым.

Автор повести «Раскулачиха» даёт возможность читателю понять самого обычного человека из глубинки и оценить всю сложность его отзывчивой души! Как не вспомнить тут оценку творчества Достоевского одним из авторов *«Православной энциклопедии»*, который пишет, что *«в художественном мире писателя, как в традиционном реализме, нет промежуточных «средних типов», почти все его герои сложные и противоречивые».* (4)

Многие нынешние авторы «средними типами» и ограничиваются. По образному выражению М. Горького, призванные быть «инженерами человеческих душ», писатели словно разучились или не хотят пристально вглядываться в человека, терпеливо изучать его духовное содержание, за повседневностью видеть типичное в натуре нашего современника. Здесь можно только добавить, что и в «среднем типе» можно и нужно найти что-то очень индивидуальное и неповторимое. Если поиск будет удачным, то и сам тип в этом случае уже перестанет быть «сред-

ним». Можно в романе описать безликого слугу, говорящего одну фразу: «кушать подано». А можно создать очень сложный образ несчастного Смердякова с его трагической судьбой и погибающей душой! Это понимают лучшие кинематографисты, создавая, часто без всякого текста, такой внешне неповторимо характерный образ, что он остаётся в памяти навсегда.

Такую же задачу ставит перед собой автор повести «Раскулачиха». Николай не просто отвечает добром на добро, он становится настоящим другом нового дачника. Как во всяком русском — в главном герое повести Хайрюзова впечатляют проявления бескорыстной доброты. Он сразу располагает к себе всякую добрую душу!

И всё же, почему Речкин так часто и много пьёт. Где причина такой, нынче самой распространённой в российской глубинке формы отчаяния? Скорее всего, она в том, что вокруг него нет близкой ему духовно ментальной среды, или, иными словами, нет у Речкина своего дружного крепкого сообщества мастеровых, влюблённых в тайгу земляков, понимающих жизнь так же, как понимает её он сам. Не с кем затевать какое-нибудь новое доброе дело.

Он живёт словно в злой волчьей стае, каждый день вынужденный «огрызаться», защищая свой кусок добычи. Душа его озлобляется, не находит себе места, пробует забыться в вине. Не случайно дом Речкина автор повести назвал «жилём одинокого волка». Но селение Добролёт (или, по прежнему названию, деревня Раскулачиха) запоминается именно такими людьми, как Речкин. Самим фактом своего существования они показывают никчёмность окружающих их безнравственных личностей, которые тоже вроде бы русские, да без Бога в душе и совести в сердце!

...Но, к сожалению, со своей добротой и открытостью Речкин смотрится беззащитной мишенью перед набравшей силу бесовщиной рыночных времён. Внешне этот ветеран первой чеченской войны еще силён и способен на решительный поступок. Но в быту слишком расслаблен, как-то по-советски. В те времена, когда Николай сформировался как личность, добрым людям относительно спокойно жилось.

А нынче нужно держать ухо востро. Прежние «вольности» с одеколоном с похмелья рыночные «волки» не простят! Да и если по-философски рассудить, то приходится признать, что в нашем обществе испокон веков идёт беспощадная война двух непримиримых мировоззрений — древнего язычества с его крайним индивидуализмом и общинностью, добрым, по своей сути, духовным началом в человеке.

Где надо быть добрым, а где брать в руки дубину? Новые реалии чуть не ежедневно ставят перед нами этот сакраментальный вопрос! Но часто мы не ощущаем этой грани, когда переходят в атаку невидимые силы зла. Николай Речкин в свое время одолел медведя и спас зарубежных туристов. Его моральные установки таковы, что можно быть уверенным в его героизме во время военных действий в горячих точках. А вот в обыденной жизни Николай явно уступает, проигрывает в самой стратегии и тактике жизни представителям другого мировоззрения, которые стараются выстроить бытие вокруг себя и для себя любимых, которые своей выгоды не упустят. Все обстоятельства обратят в пользу своей ненасытной натуры. И таёжные навыки превратят в браконьерство.

Эта тёмная сила мирового зла наступает и на сибирскую тайгу, ломая устоявшиеся обычаи и привычки. Есть в повести один эпизод, который хорошо это

иллюстрирует. Приехавшему навестить дачу бывшему хозяину Коля делает подарок: настойку с оленьими пантами и «струю кабарги». Последняя в списке подарков, тоже настойка. Но такова особенность нашего времени: «струя кабарги» фигурирует в повести как «напиток любви», то есть для усиления мужских возможностей.

В бытность моей работы с якутскими охотниками еще на советском Крайнем Севере я узнал другое, основное свойство этого чудодейственного напитка: он многократно увеличивает зрение. Мир предстаёт отчётливо контрастным и ярким. Убеждался в этом сам. Для охотника-промысловика со стажем это самое важное. Плюс к этому, еще растёт физическая выносливость.

Но времена изменились. В рыночной утилитарной среде даже у традиционных охотничьих снадобий осталась функция виагры. Да разве только у них. Теперь всё подчинено идолу под названием — чувственное наслаждение жизненными благами. Для жертвоприношения новому «божку» рубятся леса и разрушаются деревни.

Коля Речкин так и не понял, что для выживания среди окружившей его «стаи язычников» очевидно надо перестать «жить нараспашку», отомобилизоваться и усвоить все необходимые правила поведения среди них!

Однажды *«он ушёл в тайгу промыслять соболя и не вернулся»*. Его неожиданное исчезновение воспринимается мною, читателем, как трагическое, но закономерное явление. Слишком много доброты нёс он в сей жестокий мир, и этим раздражал окружающих его эгоистов и приспособленцев всех мастей и оттенков. Доброта без расчётливости часто наказуема. Сейчас нужны сильные духовно и физически, уверенные в себе люди. Их можно встретить в произведениях сибирского писателя Михаила Тарковского. Один из его героев вместе с семьёй отправляется жить в отдалённый таёжный посёлок, в котором когда-то жили геологи. Новую жизнь, новую крепкую семью герой создаёт сам. Это должна быть цельная в своей гармонии семейная жизнь.

Образ *человека созидающего* в своей повести попытался создать и Валерий Хайрюзов. Это предприниматель Росомаха. Пока беспечный Коля просто наслаждался жизнью, «бизнес-леди» Росомаха уже целеустремлённо боролась за выживание.

Аделина Рафкатовна по-своему переустраивает мир! Усадьба Росомахи — примета новых времён. Успехи в бизнесе позволяют ей приглашать к себе и содержать за свой счёт художников. У неё вообще большие планы на будущее... Но, при этом, «бизнес-леди» привыкла отдыхать под пальмами заморских стран. Мы здесь видим появление нового героя, который уже духовно крепко не связан с местом своей деятельности. Пожалуй, это уже не сибиряки, в их неповторимой духовности. Это — пользователи местных природных ресурсов.

В одном из недавних номеров «Сибири» была опубликована повесть об охотнике, который так увлёкся добычей соболей, что потерял время для сбора в обратную дорогу. Зартный добытчик из-за своей жадности (добыть лишнего соболя, когда надо было готовиться встречать вертолёт) вынужден был бросить в тайге охотничьих собак и садиться в вертолёт без них. Что-то необратимо изменилось в духовном строе этого сибиряка. Он перестал быть неотделимой частью общего таёжного мира, у которого свои суровые законы выживания. В тайге многие поступки людей всегда определяла душевная привязанность к своим родным местам, любовь ко всем представителям животного мира.

Нынешний рыночный пользователь в тайге — гость и временщик!

Без Коли Речкина здешние места осиротеют. Во всей безалаберности этого очень непростого человека был некий высший метафизический смысл, или, выражаясь по-другому, библейский сюжет: «блаженны нищие духом, ибо они утешатся». Россомаха, конечно, попробует здесь всему вернуть рациональный смысл. Не будет у поселенцев прежней вольности и бестолковых поступков. В селении Добролёт воцарится относительный порядок и благополучие. Русскую баню заменит безликая «сауна» с электроподогревом, исчезнут привычные формы отдыха, обычаи, способы приготовления напитков.

Но что-то главное, духовное, то что и называется жизнью и пребывает не только на земле, но и в вечности, вместе с Колей исчезнет из этих таёжных мест. Надежда только на то, что такие люди, как Речкин, в сибирских краях еще не перевелись!

Приложение:

- 1) В. Распутин. Предисловие к роману А. Байбородина «Боже мой»
- 2) Д.С. Лихачев. «Заметки о русском», стр. 225
- 3) Православная энциклопедия, том. 16, стр. 89
- 4) Там же, стр. 91

г. Минусинск, ноябрь 2021 г.